

О СЕМАНТИКЕ СОСУДОВ С РЕЛЬЕФНЫМИ ЗООМОРФНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ

На ряде памятников лесного Зауралья найдены фрагменты от глиняных сосудов, оснащенных зооморфными изображениями по краю с внешней, реже — с внутренней стороны. Объемно выполнены только головки зверей и птиц путем наклепа кусочков глины или пальцевого зажима, другие детали (глаза, рот, иногда части тела) исполнены графикой (рис. 1, 2).

В. И. Мошинская, обратившаяся к интерпретации этой категории находок, высказала предположение о том, что зооморфные изображения выполняли роль апотропеев или меток, указателей состава пищи (мясной или рыбной), поскольку у некоторых народов существовали запреты употреблять одни и те же сосуды для рыбы и мяса. Она предполагала широкое распространение зооморфного декора во времени и пространстве¹.

Некоторые уточнения и дополнения были сделаны В. А. Арефьевым в связи с описанием зооморфных мотивов по краю сосудов со стоянки Полуденка I. Во-первых, он отмечает, что рельефные головки со стоянки Полуденка I и Кокшаровского холма выполнены главным образом на раннеолитической керамике с накольчатым орнаментом. Во-вторых, высказывает предположение о их генезисе. По мнению В. А. Арефьева, появлению объемных головок предшествовали сосуды с редкими выступами по краю. Наиболее ранние выступы могли быть обусловлены технологией изготовления плетеных сосудов, вертикальная основа которых укреплялась у края, образуя выступы. Позднее такие выступы, очевидно, сохранялись на глиняной посуде в качестве декора, а затем трансформировались в зооморфные объемные головки, приобретая культовое значение².

В какой-то степени подтверждением этого предположения может служить небольшой толстостенный сосуд с выступами, орнамент на котором имитирует плетение. Сосуд найден в нижнем слое Махтыльского холма вместе с фрагментами керамики с объемными головками (рис. 3-5).

Для решения вопроса о функции сосудов с объемными зооморфными головками, по-видимому, необходимо обратить особое внимание на места их находок. Сосуды с волнистым краем и выступами встречаются на многих неолитических и энеолитических памятниках Зауралья, в то время как сосуды с пластическими зооморфными изображениями в поселенческих комплексах либо отсутствуют, либо встречаются единично и крайне редко. Довольно многочисленные их серии найдены на памят-

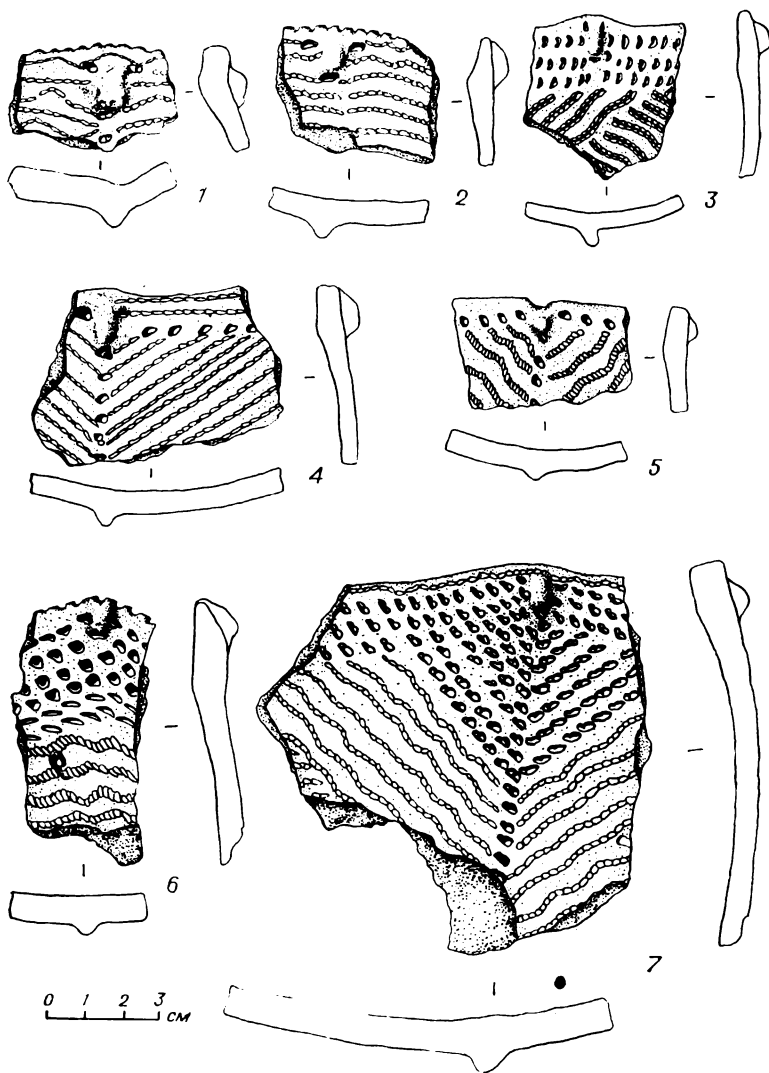

Рис. 1. Кокшаровский холм. Фрагменты сосудов с зооморфными изображениями

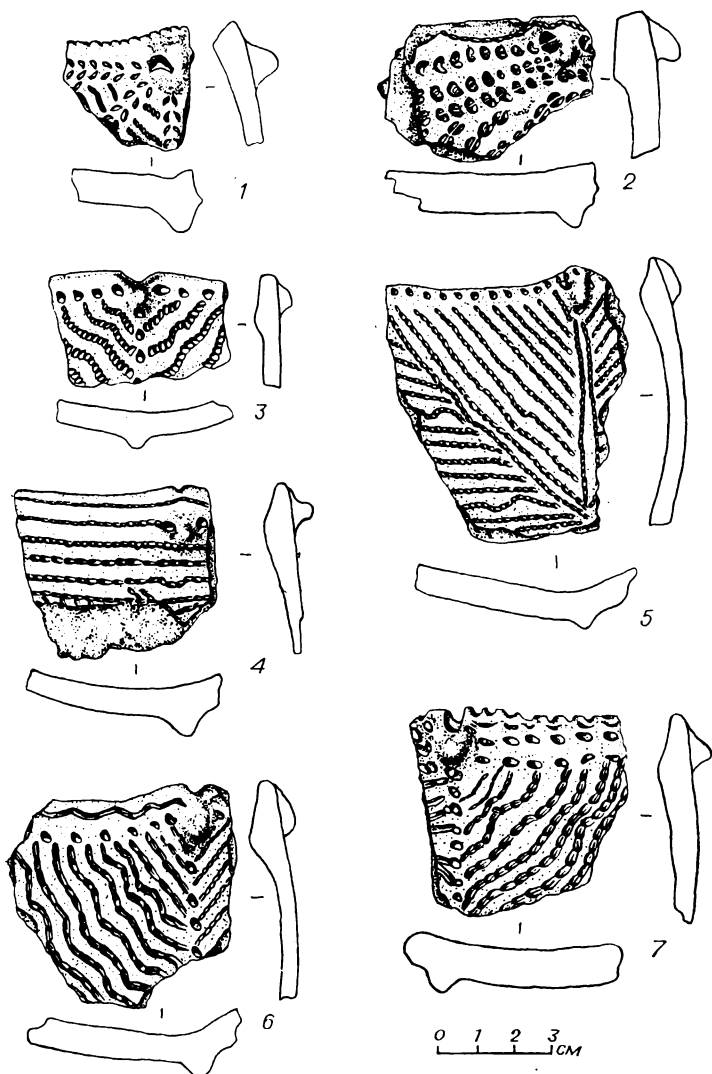

Рис. 2. Фрагменты сосудов с рельефными зооморфными изображениями:

1-6 — Кокшаровский холм; 7 — Чашиха

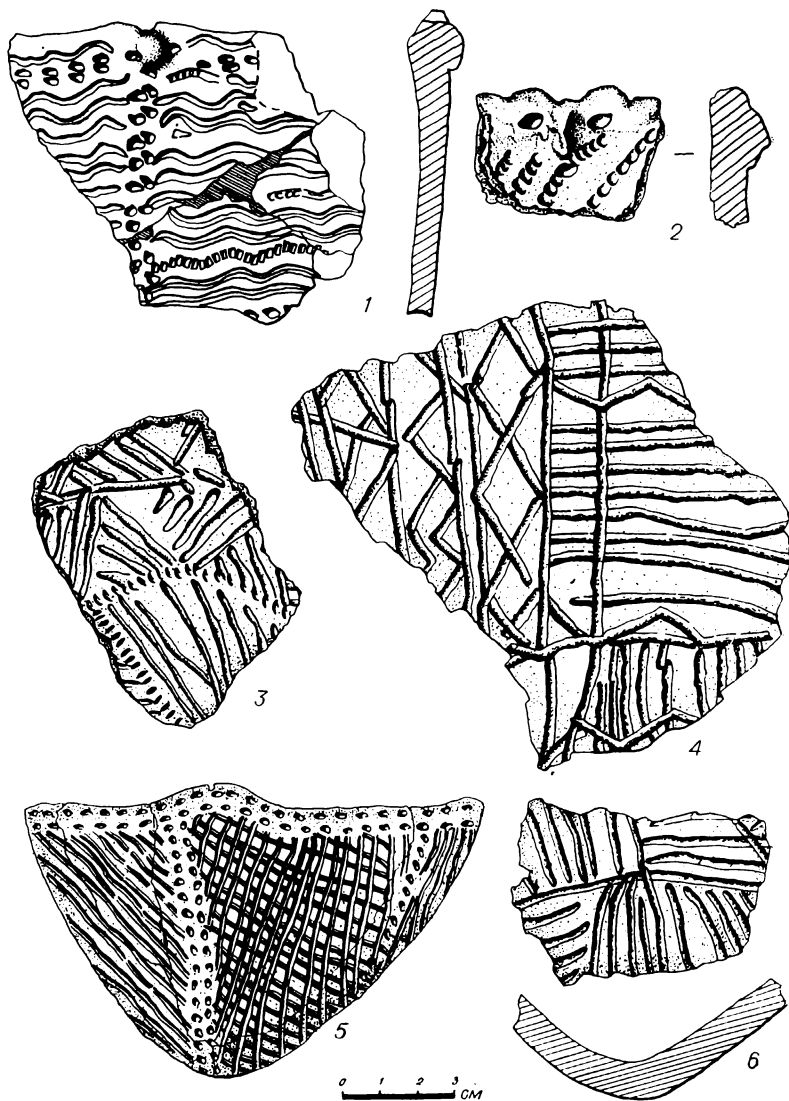

Рис. 3. Махтыли — холм. Керамика

никах-холмах, известных у местного русского населения под названием «чудских бугров», или «чудских курганов»³. Этот тип памятников остается загадкой в уральской археологии.

В архиве А. Н. Слоцова, бывшего директора Нижнетагильского краеведческого музея, содержатся сведения о трех холмах, расположенных при впадении Полуденки в Выю, в районе известного неолитического поселения на р. Полуденке. Холмы раскапывались И. М. Рябовым (1837), Д. П. Шориным (1845), Д. Н. Анучиным (1870-е гг.), В. Я. Толмачевым и А. Н. Слоцовым (1924). Вещи из раскопок не сохранились, но имеются некоторые сведения об одном из холмов неправильной округлой формы диаметром 8 и 10 м, высотой 2 м. Он состоял из культурного слоя с большим количеством находок (керамика, изделия из камня)⁴.

В 1955 г. под руководством А. И. Россадович были начаты, а в 1957 и 1960 гг. продолжены раскопки уникального памятника — Кокшаровского холма. Он находится на коренном берегу Юрьинского озера (Верхнесалдинский р-н, Свердловская обл.), возвышаясь посреди окружающего его Юрьинского поселения позднего неолита более чем на 3 м; длина его окружности 139 м⁵.

В 1964 г. исследование холма и поселения проводилось под руководством В. Ф. Старкова. Памятник многослойный. Наиболее древний культурный слой относится к раннему неолиту. По профилю холм делится на два основных горизонта, четко отделяющихся слоями погребенного дерна и включающих мощные напластования сожженного дерева. Кострища располагались довольно компактными группами и занимали основную площадь Кокшаровского холма. В нижних горизонтах найдено большинство из ныне сохранившихся сосудов с объемными головками (рис. 1, 2-1—6), а также сверленая булава в виде головы медведя⁶.

Другой известный холм — Махтылы — частично раскапывался под руководством В. С. Стоколоса (1957, 1959), затем В. Ф. Старкова и О. Н. Бадера (1965, 1966). Он расположен по краю невысокой террасы левого берега р. Сосьвы, в 3 км (вверх по течению) от д. Махтылы (Гаринский р-н, Свердловская обл.). Имел форму неправильного круга диаметром 52 м, высоту 2 м. Памятник многослойный, содержит остатки кострищ, особенно мощных в центральной части холма⁷. В основании его преобладает керамика с прочерченным и накольчатым орнаментом. Сосуды толстостенные с напльвом на внутренней стороне венчика, многие из них с рельефными зооморфными головками (рис. 3, 4). В отличие от Кокшаровского холма Махтыльский не имеет вокруг себя поселения. Культурные слои не выходят за его пределы.

Разведкой под руководством В. Ф. Старкова в 1965 г. частично был исследован Усть-Вагильский холм, находящийся на

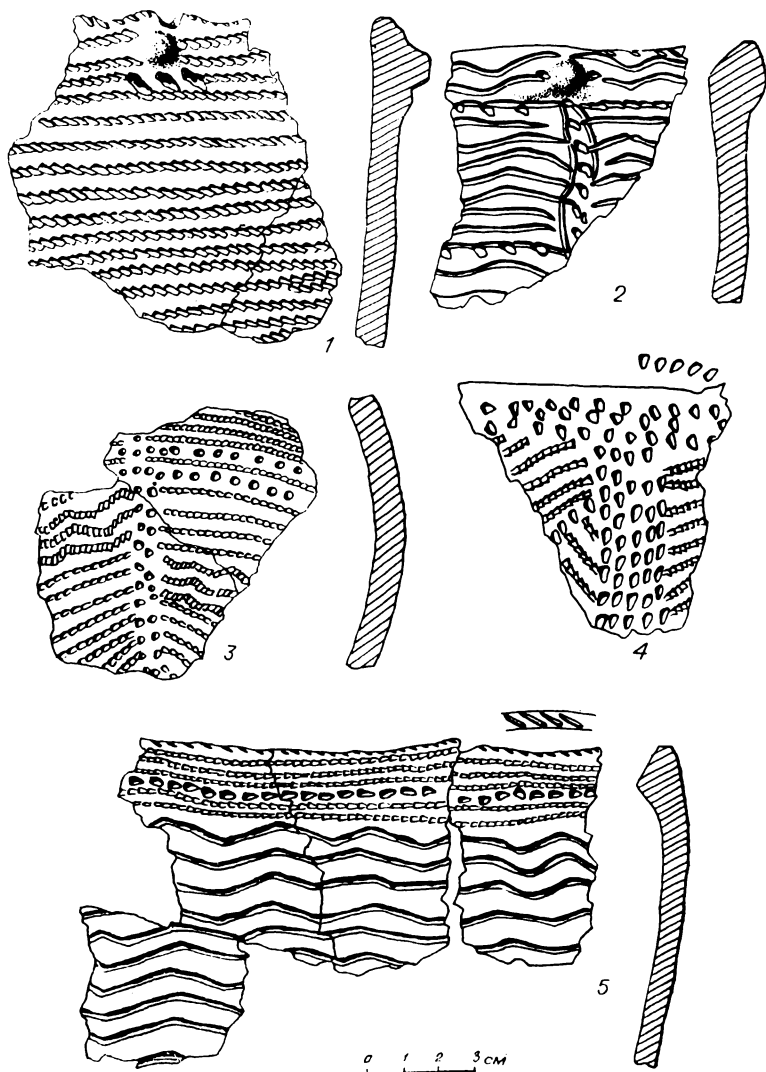

Рис. 4. Махтылы — холм. Керамика

левом берегу р. Тавды, на стрелке, образованной при впадении в нее левобережного притока — Вагиля. Памятник размещается по краю невысокой надпойменной террасы. Здесь же обнаружено поселение, непосредственно примыкающее к холму с южной стороны. Он имеет форму неправильного овала, несколько вытянутого в западном направлении. Диаметр его около 55 м, высота — свыше 3 м. Имеет следы шурфов, перекопов, ям. При зачистке одной из них В. Ф. Старковым выявлена стратиграфия. Памятник многослойный. В верхних слоях преобладает керамика усть-полуйского времени. В нижнем слое найдено несколько пластинок и обломок толстостенного сосуда с напльвом на внутренней стороне венчика и орнаментом, состоящим из чередования прямых и волнистых линий, выполненных заостренной палочкой. Эта находка позволяет предполагать раннеолитический возраст слоя в основании холма. Материал поселения, окружающего холм, имеет меньший хронологический диапазон — бронзовый и железный века⁸.

Таким образом, частично исследованные холмы имели высоту 2—3 м, диаметр 30—50 м. Все они многослойные, с остатками кострищ, большим количеством находок. Их основания связаны с раннеолитическим слоем. Возникшие вокруг них поселения относятся к более позднему времени по сравнению с нижними слоями. Махтыльский холм не имеет вокруг себя поселений.

Оценка исследователями этих памятников различна: погребальные сооружения (А. Н. Словцов, В. С. Стоколос); места поселений (А. А. Спицин, А. И. Россадович); культовые места, возникшие на месте раннеолитических поселений (В. Ф. Старков). Последнее предположение сделано главным образом на основании находок сосудов с зооморфными головками, которые В. Ф. Старков связывал с развитым этапом зауральского неолита.

Мы имели возможность просмотреть небольшую часть коллекции Махтыльского холма из разведки В. А. Швечиковой (хранится в фондах археологической лаборатории Уральского университета, шифр 236) и Кокшаровского холма из раскопок А. И. Россадович (коллекция в фондах Нижнетагильского краеведческого музея, шифр 2110, 2390).

В отчетах А. И. Россадович помещены фотографии всех фрагментов сосудов с пластическими головками, данные на рис. 1 и 2. Имеются фотографии и рисунки еще 2 фрагментов с зооморфной пластикой, но в коллекции мы их не нашли⁹.

Изучение отчетов и ознакомление с коллекциями керамики Кокшаровского холма и Махтылей позволили нам уточнить типологию и время бытования сосудов с рельефными зооморфными изображениями. Все они раннеолитические, найдены в основании холмов вместе с керамикой с прочерченным и прочерченно-накольчатый орнаментом.

К сожалению, материалы из раскопок холмов не опубликованы и вряд ли будут публиковаться в ближайшее время. Необходимы дополнительные исследования и тщательный анализ всего материала. Наряду с керамикой в ранних слоях найдены изделия из камня, о которых авторы раскопок сообщают общие сведения без указания количества и функций изделий.

Насыщенность культурного слоя холмов многочисленными находками дает возможность предполагать наличие в лесном Зауралье своеобразных поселений типа среднеазиатских депе, или тепе. Но с меньшей вероятностью можно предполагать и изначально культовый характер холмов, принимая во внимание стратиграфию, основу которой составляют напластования из кострищ, а также наличие серии фрагментов от сосудов с пластическими изображениями в основании холмов, имеющих, по всей видимости, иное функциональное назначение, чем рядовая посуда неолитических поселений.

Среди рельефных зооморфных изображений Махтыльского холма можно выделить две группы: а) изображение головы птицы или зверя с ушками, приподнятыми над краем сосуда. В одном случае ямками обозначены глаза и клюв (рис. 3-2), в другом — три глубоких ямочных вдавления расположены ниже выпуклости, изображающей личину зооморфного существа (рис. 4-1); б) головки на сосудах с прямым краем и дополнительными деталями тела, выполненными графически. Рельефная головка дополнена ушками и клювом из ямок, а также телом в виде позвонков и ребер (рис. 3-1; 4-2).

Коллекция содержит крупные фрагменты керамики от остродонных сосудов различной емкости, целый сосуд красноватого цвета (рис. 3-5). Керамика орнаментирована в прочерченно-накольчатой технике. На многих сосудах горизонтальные зоны из прямых и волнистых линий разделяют вертикальные столбики из ямок или вертикального зигзага, заключенного между прямыми линиями. Обращают на себя внимание орнаментация сосудов по сравнению с орнаментацией посуды рядовых поселений (например, Евстюниха I или Ташково I), многочисленность и сохранность керамики, несмотря на древность и последующую мощь культурных напластований.

Зооморфные головки с Кокшаровского холма имеют в основном удлиненные морды, вылепленные на сосудах с прямым или волнистым краем и в ряде случаев довольно глубокими насечками (рис. 1, 2). Иногда от морды вниз опускается вертикальный столбик из ямок (рис. 1-4, 5, 7; 2-3, 6) или параллельных линий (2-4), от которых расходятся наклонные линии, вписанные друг в друга углы. У других сосудов объемные головки дополнены только клювом и глазами (или ушами ?; рис. 1-2, 3, 6; 2-2, 5). Орнамент выполнен в накольчатой технике (ямочные наколы, отступающая палочка).

Фрагмент раннеолитической керамики с зооморфным

оформлением по внешнему краю известен с поселения Чашиха из сборов с поверхности. По технике исполнения и узору он близок сосудам из Кокшаровского холма (рис. 2-7). Почти целый сосуд, но сильно фрагментированный, найден в межжилищном пространстве неолитического поселения Исетское Правобережное (раскопки В. Ф. Кернер). Интересно отметить попарное расположение головок (6 или 8 пар?) по внешнему краю сосуда.

Известны сосуды с зооморфными головками, обращенными мордами внутрь сосуда. Один из таких сосудов найден на Андреевском озере на стоянке с керамикой кошкинского типа (рис. 5-3)¹⁰. Два фрагмента со стоянки Полуденка I описаны В. И. Мошинской¹¹.

В коллекции стоянки Полуденка I (фонды Нижнетагильского краеведческого музея) нами найдено еще 2 фрагмента от сосудов с зооморфными головками — один с внутренней, другой — с внешней стороны (рис. 5-1, 2).

В более поздних комплексах Зауралья (поздний неолит, энеолит) рельефные изображения на сосудах встречаются редко и, как правило, не детализированы. Таковы объемная головка на сосуде боборькинского типа с Андреевского озера из раскопок В. Д. Викторовой (рис. 5-4); обломок сосуда с гребенчатым орнаментом и объемной головкой, обращенной мордой внутрь сосуда из раскопок Д. Н. Эдингга на I Береговой стоянке Горбуновского торфяника (рис. 5-5).

Более многочисленны на неолитических и энеолитических поселениях Зауралья сосуды с волнистым краем и редуцированными изображениями в виде выступов по краю сосудов (рис. 5-6, 7).

В настоящей работе мы не стремились выявить и описать все найденные в Зауралье сосуды с объемными головками. Обращаясь к трактовке этой своеобразной категории находок, в настоящее время вряд ли можно согласиться с мнением тех исследователей, которые связывают появление зооморфных сюжетов на посуде с бытовыми или хозяйственными ситуациями.

Более вероятно использование сосудов с рельефными изображениями в ритуале. Зооморфные сюжеты (звери и птицы) — наиболее архаичные символы знаковых систем, возникших в контексте магических действий и ритуалов у племен с присваивающей экономикой. Их изображения довольно схематичны. Практически невозможно узнать, кто изображен на сосуде: животное, птица или антропоморфное существо. Вероятно, образ отражал какое-то абстрактное понятие, при этом целое показано через часть. Ранняя мифология была построена на тотемических образах. При характеристике мифологических персонажей нередко особое символическое значение приписывалось именно голове — наиболее важной части тела, обиталищу души. По-видимому, основная функция схематического изображения — знаковая,

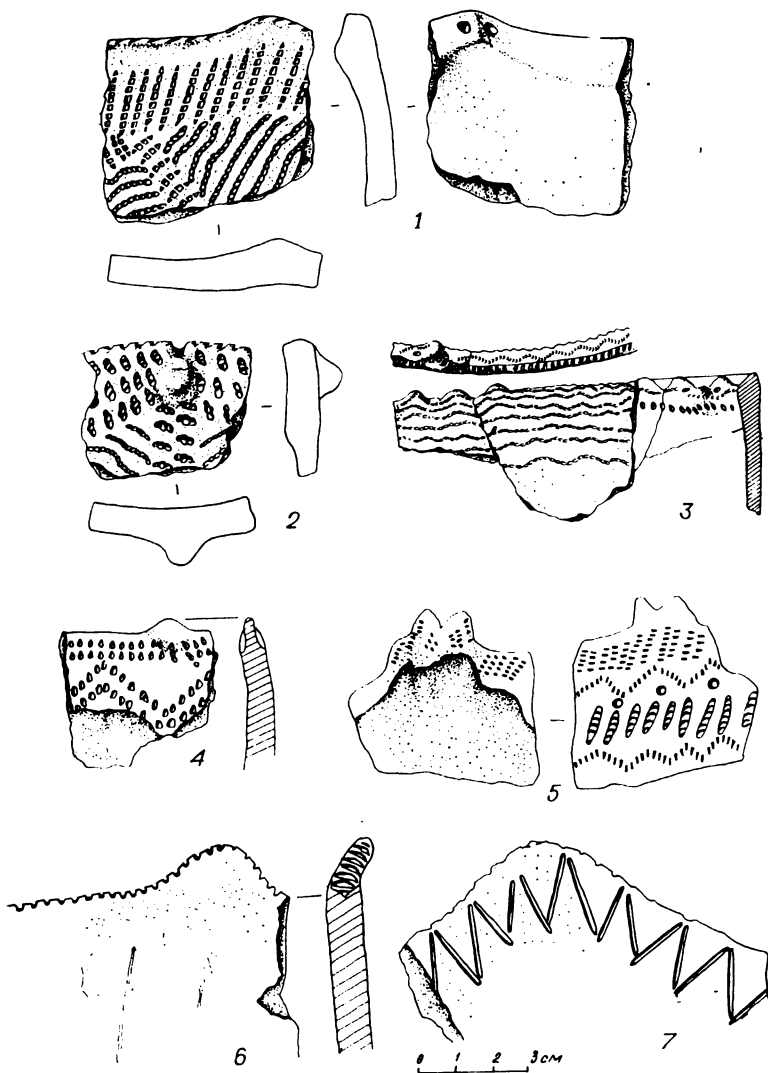

Рис. 5. Фрагменты сосудов с рельефными зооморфными изображениями и волнистым краем:
 1, 2 — Полуденка I; 3 — ЮАО — VI; 4 — ЮАО — V; 5 — I Береговая стоянка Горбуновского торфяника; 6, 7 — ЮАО — XII

функция замещения, обозначения мифологического персонажа, возможно, первопретка или покровителя отдельной экзогамной группы, или фратрии.

В основе тотемизма — универсальной идеологии раннего родового общества лежат мифологические представления о первопретках, убежденность в родственных связях между человеком и животным. Принадлежность к тотемизму составляла основу всех социальных обязательств первобытных коллективов (общин). Через тотемизм осмысливались отношения с представителями других тотемических групп и отношения между мужчинами и женщинами внутри этих групп.

С тотемизмом были связаны комплекс верований и обрядов, возникновение общественных святилищ и домашних культовых мест. В предшествующие эпохи (палеолит, мезолит) при довольно подвижном образе жизни, обусловленном охотничьим типом хозяйства, святилища находились ближе к местам охоты. Пещеры с наскальными рисунками, скалы с писаницами, расположенные, как правило, у реки и были, вероятно, культовыми центрами, на которых проводились ритуальные церемонии.

В позднем мезолите — неолите наряду с охотой основным занятием зауральского населения становится рыболовство, обеспечивающее большую оседлость. Важнейшим достижением неолитической эпохи является изобретение керамики, которая наряду с основной своей функцией использовалась и как культовая. Сосуд служил вмещителем ритуальной пищи, поэтому культовая посуда должна была отличаться от бытовой. По всей вероятности, мифологические образы со скал перемещаются на сосуды, как и сами святилища — ближе к поселениям.

А. Д. Столяр неоднократно обращал внимание на закономерность генетического хода изобразительной практики: от объемного к плоскостному¹². В процессе технологического освоения нового материала — керамики — зооморфные изображения вначале появились в пластике (неолит), а позднее стали плоскостными, графическими (энеолит, бронзовый век).

В стадиальном плане исследователи делят священные места на два типа: природные объекты и созданные человеком. Почитание природных объектов — явление универсальное. В недавнем прошлом народы Урала и Сибири почитали холмы, камни и скалы, пещеры, деревья¹³. Вполне допустимо на определенном этапе сооружение искусственных холмов, особенно в тех местах, где отсутствовали традиционно почитаемые природные объекты (пещеры, скалы и т. д.), но появились долговременные поселения. По-видимому, интересно было бы проследить соотношение пространственной структуры поселений с тремя космическими зонами. Гора (холм) — аналог мировому дереву. У многих народов культовое место соответствовало центру.

Святилища были разных рангов — общие (всей общины или племени), семейные, фратриальные и т. д. Находки отдельных

сосудов с пластическими головками на поселениях вполне согласуются с предполагаемой их ритуальной функцией.

Рассмотренная выше категория находок является специфичной для неолитической культуры населения лесного Зауралья. Есть основания предполагать возникновение пластики, связанной с зооморфным оформлением края сосудов, в местной этнической среде, поскольку большинство из известных пластических изображений относится к раннеолитическому времени и связано с керамикой автохтонной линии развития. Единичные экземпляры с головками на посуде кошкинско-боборькинского типа, вполне возможно, являются результатом заимствования.

В позднеолитических памятниках полуденского типа сосуды с рельефными головками нам не известны. Можно предполагать трансформацию этой традиции (редуцирование головки) и угасание.

В изучении прошлых эпох и их обществ основное внимание современных исследователей сосредоточено главным образом на различных аспектах материальной культуры и непростоительно мало внимания уделяется духовной жизни.

Для воскрешения духовной жизни древних обществ, их мировоззрения нам представляется перспективным изучение таких своеобразных категорий находок, как рельефные зооморфные изображения на неолитических сосудах, графические — на энеолитических, мелкая кремневая, а также глиняная и деревянная скульптура и т. д. При этом вряд ли правомерно смотреть на первобытное искусство как на непосредственное отражение жизни, близких и утилитарных целей. Декоративное оформление зачастую преследовало не собственно художественную цель, а определялось религиозно-мифологическим содержанием. Несостоятельность принципа «буквального прочтения сюжетов» доказывается всей историей культуры¹⁴. Сюжет — не зеркальное отражение действительности, а скорее всего обобщенное понятие, поэтому нужно искать его связь с идеологией эпохи в целом.

Как уже отмечалось, целостным представлением о мире на ранних этапах истории был тотемизм, адекватный идеологическому отражению родовой структуры. Тотемные предки зооморфной породы неотделимы от первобытной мифологии и социальных институтов. Схематизированные образы — тотемные предки, по мнению этнографа А. М. Золотарева, — это персонафикация человеческой общины в зооморфной или мифологической форме¹⁵. А. Ф. Анисимов в идее тотемизма видел идеологическое отражение особенностей социальной структуры древних обществ¹⁶. Тотемизм обеспечивал стабилизацию и сохранение существующих отношений, был нормой групповой солидарности, одним из важнейших средств социальной регуляции. Он ориентирован на внутренние потребности отдельной родовой общины, на ее отличие от других.

Средством упрочения единства коллектива выступало ритуальное поведение, обеспечивающее стабильность через поддержание статуса каждого члена сообщества. Сосуды с рельефными зооморфными изображениями, вероятно, наполнялись мясом и кровью тотемного животного, символизируя единство коллектива.

¹ См.: **Мошинская В. И.** О зауральских зооморфных изображениях, связанных с глиняной посудой: (К вопросу о древних контактах в уральской среде) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 56—65; **Она же.** Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976. С. 26—32.

² См.: **Арефьев В. А.** Зооморфные мотивы оформления края сосудов со стоянки Полуденка I // СА. 1984. № 1. С. 229—235.

³ См.: **Бадер О. Н.** Археологические памятники Тагильского края // Учен. зап. Молот. ун-та. Молотов, 1953. Т. 8, вып. 2. С. 323—327.

⁴ См.: **Арх. А. Н. Словцова** // Арх. Нижнетагил. краевед. музея. Инв. № 147. С. 25.

⁵ См.: **Россадович А. И.** Отчет об археологических раскопках Кокшаровского поселения // Арх. Ин-та археологии РАН. Р—1. № 1689. Нижний Тагил, 1957.

⁶ См.: **Старков В. Ф.** О так называемых богатых буграх в лесном Зауралье // Вестн. Моск. ун-та. 1969. № 5. С. 72—73.

⁷ См.: **Старков В. Ф.** Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980. С. 52—54.

⁸ См.: **Старков В. Ф.** О так называемых богатых буграх... С. 74—76.

⁹ См.: **Россадович А. И.** Отчет об археологических раскопках Кокшаровского поселения в 1957 г. // Арх. Ин-та археологии РАН. Разд. Р—1. № 1689. Рис. 112, 113; **Она же.** Отчет о раскопках Юрьинского, Маршинского и Басьяновских озер в 1960 году // Арх. Ин-та археологии РАН. Разд. Р—1. № 4323. Рис. 80; 83-6, 7; 97.

¹⁰ См.: **Ковалева В. Т., Варанкин Н. В.** К вопросу о происхождении борыркинской культуры // Вопросы археологии Приобья, Тюмень, 1976. С. 28. Рис. 3-1.

¹¹ См.: **Мошинская В. И.** Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. С. 28. Рис. 1.

¹² См.: **Столяр А. Д.** О генетическом аспекте изучения онежских петроглифов Карелии // Материалы VI международного конгресса финно-угроведов. М., 1989. Т. 1. С. 114—117.

¹³ См.: **Гемуев И. Н., Сагалаев А. М.** Святилища манси // Материалы VI международного конгресса финно-угроведов. Т. 1. С. 325—327.

¹⁴ См.: **Еремеев А. Ф.** Происхождение искусства: Теорет. очерки. М., 1970. С. 98—99; **Мириманов В. Б.** Первобытное и традиционное искусство. Дрезден; Москва, 1973. С. 12, 42.

¹⁵ См.: **Золотарев А. М.** Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934. С. 6.

¹⁶ См.: **Анисимов А. Ф.** Религия эвенков. М., 1958. С. 54.